

МАКИАВЕЛЛИ И НАЧАЛО НАЦИОНАЛИЗМА

А.И. Фет

Представление о «родине» как наивысшей ценности, которой можно и должно приносить в жертву отдельного человека, весьма живуче, и многие политические деятели строят на нем свою политику. Но мир враждебных наций, оцетинившихся против своих соседей, уходит в прошлое.

Макиавелли не мог этого предвидеть. Его патриотизм и атеизм, не уравновешенные более глубокой концепцией человека, привели его к апологии ужасных политических средств. К чему приводят эти средства, научил нас двадцатый век.

Ключевые слова: национализм, национальное государство, патриотизм, религиозная мораль, гуманистическая мораль.

Можно было бы подумать, что вражда между племенами столь же стара, как человеческий род, но племена – это не нации, и чувство принадлежности к племени – еще не национализм. Само слово «национализм» впервые встречается лишь в 1798 году, после Французской революции. Понятие «нации» тоже появилось сравнительно недавно, в XIII веке. К тому времени сложились будущие национальные языки и представления о племенном родстве, породившие европейские государства. Эти представления не мешали бесконечным войнам между племенами, которые еще древние греки осуждали как «братоубийственные». Именно эти войны привели к завоеванию Греции «варварами», а впоследствии – к завоеванию Руси азиатскими кочевниками, «татаро-монгольскому игу».

Ощущение родства между людьми имеет глубокую биологическую основу – *социальный инстинкт*, объединяющий людей в группы, открытый и описанный Дарвином в его книге о происхождении человека (1871). У общественных высших животных этот инстинкт определяет численность стада и правила поведения в стаде. В жизни общественных животных, в том числе человека, он играет роль силы притяжения.

Динамическое равновесие достигается при взаимодействии социального инстинкта с *инстинктом внутривидовой агрессии*, открытым в середине XX века Конрадом Лоренцем и играющим роль силы отталкивания.

Первоначальные группы наших предков, как и стада всех приматов, насчитывали несколько десятков особей. Внутри такой группы социальный инстинкт запрещал нападать на сородичей, но между группами у человека происходили постоянные войны, что отметил еще Дарвин. В этом отношении наш вид составляет особое исключение среди высших животных: кроме человека, только крысы ведут войны против себе подобных. Эта крайняя агрессивность человека могла бы привести к гибели нашего вида, как погибли многие его предшественники – «гоминиды».

Члены одной группы узнавали «своих» по признакам, сдерживавшим агрессию, и генетически запрограммированным социальным инстинктом человека. Чтобы спасти наш вид от вымирания, эти сдерживающие стимулы надо было распространить на отношение к «чужим» – к представителям других групп. Но наши предки не способны были на такое изменение инстинкта, поскольку их мышление еще не развилось.

Так как наш вид все же уцелел, надо предположить мутацию в человеческом геноме, снявшую слишком узкое определение «своих». Эта мутация сделала возможным образование *племен*, численность и обычаи которых зависели уже не от генов, а от культурной традиции. Группы перестали делиться, достигнув предельной численности, и возникли племена, где узнавание «своих» зависело от языка, татуировки и обычаев. Более крупные племена имели преимущество над первоначальными группами и постепенно вытеснили их. Этот процесс расширения этических правил можно назвать глобализацией социального инстинкта¹.

Внутри племени действовал запрет нападения на «своих», но между племенами продолжались бесконечные войны. Дальнейшая глобализация привела уже в древности к созданию племенных союзов и государств, объединявших людей не обязательно общего происхождения, но стимулировавших у них развитие общего языка и общей культуры. Таким государством была Римская империя, охватившая все более развитые племена Европы и Ближнего Востока. К несчастью, эта империя не выдержала натиска варварских германских племен, завоевавших всю Западную Европу. Это была культурная катастрофа, надолго задержавшая развитие человечества. Лишь на исходе средневековья процесс глобализации возобновился, и племена стали соединяться в *нации*, образуя национальные государства. Государство, с его принудительной регламентацией и вездесущей бюрократией, у современного человека не вызывает восторга, особенно у нас в России. Но поддержание внутреннего мира и

защита от внешних нападений были столь важным преимуществом, что люди считали большим благом иметь собственное государство и готовы были приносить ему небольшие жертвы.

Первым национальным государством, сложившимся в Европе еще в XIII веке, была Англия, островное положение которой облегчало ее оборону. Затем, к XVI веку, образовались национальные государства во Франции и в Испании. Ощущение национального единства поддерживалось в этих странах общностью языка и обычаев, а затем – привычкой к общей системе правления. Но две великих нации Европы – немецкая и итальянская – не имели своего государства до XIX века, что привело к тяжким историческим последствиям. Немцы имели, с IX века, так называемую «Священную римскую империю германской нации», но ее императоры, выбираемые князьями, не имели реальной власти. Италия же не могла объединиться из-за папского государства со столицей в Риме, поскольку такое объединение не было бы в интересах пап. Поэтому Италия, начиная с XVI века, оказалась под властью иностранных держав – Франции, затем Испании. Это вызвало сильнейшее негодование итальянцев, ощущавших свое культурное превосходство, и породило первый сознательный национализм, глашатаем которого стал секретарь Флорентийской республики Никколо Макиавелли. Это была идеология угнетенной нации, попавшей под власть иностранных держав и стремившейся лишь к своему освобождению. Самое слово «национализм» еще не было изобретено, и все связанные с ним неприятные ассоциации возникли лишь позднее. И все же здесь впервые были выражены взгляды и интересы целой нации – ее подлинные взгляды и интересы, а не демагогически поддельные,

¹ Описание процесса глобализации с точки зрения этологии – общей биологической науки о поведении животных и человека – содержится в моей книге «Инстинкт и социальное поведение» (А.И. Фет. Новосибирск: Изд-во «Сова», 2005).

с какими нам приходится встречаться в наши дни. Если можно говорить о подлинном национализме, в отличие от ложного, то его создателем и был Макиавелли. Еще в XX веке мы видели столь же оправданный и неизбежный национализм в Индии, возглавляемый Ганди и Неру.

Макиавелли был великий мыслитель, освободивший общественное мышление от религиозных догм и метафизических построений. Как сказал впоследствии Бэкон, он впервые описал, что люди в самом деле делают в истории, а не что они «должны» делать. Конечно, это и раньше понимали люди, облеченные властью и добивавшиеся власти – каждый в своей сфере деятельности; но об этом не принято было говорить, потому что правила практической жизни резко расходились с предписаниями религии и официальной морали. Поэтому Макиавелли приобрел репутацию бесовестного циника и неприличного писателя. Но это было не все. Макиавелли не просто описывал «технологии власти», как наблюдаемое явление природы; эта технология предназначалась им для практического применения. Его небольшой трактат «Князь» был задуман как «учебник» для будущего объединителя Италии, князя, который в самом деле будет добиваться власти над всей Италией и изгонит из нее захватчиков. Эта практическая направленность книги создала ей больше всего врагов: автор не просто перечислял некоторые способы поведения, с какими-нибудь моральными замечаниями, а положительно их рекомендовал! Он учил будущего государя притворяться и лгать, добиваться популярности и избавляться от своих противников, вплоть до их тайного убийства или казни по ложным обвинениям. Понятно, что этот трактат, опубликованный после его смерти, сделал имя Макиавелли ненавистным всем

добродетельным читателям Европы. Но последняя глава этой книжечки содержит пламенный призыв к освобождению Италии – и настолько отличается по своему тону от предыдущих рекомендаций, что ее нередко приписывают другому автору! Макиавелли оставался загадкой для потомства

Прежде всего, Макиавелли был убежденный республиканец. Во дворце Синьории можно видеть его кабинет, рядом с Залом Лилий, где поставлен оригинал «Юдифи» Донателло, символизирующий убийство тирана. Медичи, вернувшие себе власть над Флоренцией, не доверяли Макиавелли и не давали ему поручений, запретив ему жить в городе; он жил в деревне, на положении ссыльного, работая над своими книгами. «Князь» занимает среди его сочинений особое место, выделяясь по своему тону. Можно думать даже (это мое собственное предположение, хотя я и не знаю всей необозримой литературы, сопровождающей эту книгу), что Макиавелли не предназначал ее для публикации, а хотел вручить при удобном случае одному из итальянских князей, скорее всего из семьи Медичи. Опытный политик, он, вероятно, убрал бы из этой книги или смягчил бы перед ее опубликованием самые откровенные места, чтобы не задевать христианские чувства читателей. Сам он был убежденный атеист, какими были на практике уже многие итальянцы, еще не способные привести в систему свои взгляды.

Обращение к «князю» было, несомненно, актом отчаяния: автор отдавал себе отчет в том, что республиканская форма правления изжила себя, вместе с независимостью отдельных городов. Советуя своему князю опереться на национальные чувства итальянцев, Макиавелли понимал, что подлинным мотивом такого князя будет обычное честолюбие. Последняя гла-

ва трактата, столь непохожая по тону на все предыдущие, как будто предназначена для иного читателя и выражает его подлинные чувства. Князь должен был стать орудием объединения Италии, и средства, рекомендуемые Макиавелли, мало отличаются от обычной политической практики; многие из них сохранились до XIX века, когда их применил политический деятель, в самом деле объединивший Италию, – граф Кавур. Да и в наши дни советы Макиавелли не составляют откровения для политического деятеля, хотя, конечно, большинство из них уже не прибегает к крайним средствам – во всяком случае, в обществах западного типа. Остается объяснить, как мог рекомендовать эти средства человек высоких нравственных идеалов, каким был, несомненно, Макиавелли.

Для объяснения этой психологической загадки надо вспомнить, что он жил пятьсот лет назад, в переходное время, когда религиозная мораль утратила свой абсолютный авторитет, а новая гуманная мораль еще не сложилась. Серьезная ошибка – отождествление этих двух видов морали, хотя вторая, несомненно, происходит от первой. В XV веке многие итальянцы, и прежде всего образованные, перестали принимать всерьез абсолютные моральные ценности, поддерживаемые страхом загробного наказания. «Права человека» – отдельной человеческой личности – не были еще сформулированы и вряд ли рассматривались как высшая ценность. Нарушение их было, конечно, «грехом», но само понятие греха было скомпрометировано вместе с религией. Но к этому времени сложилась другая ценность, которая могла заменить – для потерявших веру в бога – многие ценности религии, а в угнетенных и униженных странах нередко считалась самой высшей ценностью: *«любовь к родине»*. Представление,

что «Родина» представляет более высокую ценность, чем жизнь и благополучие отдельного человека, стали называть «патриотизмом». Это представление выразилось в евангельском изречении первосвященника Канафы, что лучше принести в жертву одного человека, чем нанести ущерб всему племени. Эта точка зрения – конечно, не христианская – широко использовалась с незапамятных времен для оправдания «государственных интересов» и «реалистической политики», и в той или иной форме используется до сих пор.

Без сомнения, Макиавелли был безбожником и пламенным итальянским патриотом. Самое достоверное описание его личности, как мне кажется, принадлежит Франческо де Санктису, автору известной «Истории итальянской литературы», опубликованной в русском переводе в 1964 году². Де Санктис, сам всю жизнь борющийся за объединение Италии, писал свою главу о Макиавелли в 1871 году, «под грохот пушек итальянской армии, входившей в Рим». Я позволю себе изложить его идеи на современном языке.

В эпоху Возрождения процесс формирования национальных государств сопровождался глобализацией морали, перенесившей понятие «своих» людей с племени на нацию. Итальянцы, никогда не терявшие ощущение языковой и культурной общности, тем не менее постоянно вели междоусобные войны, считая себя прежде всего флорентинцами, венецианцами, неаполитанцами и т. д. Именно эти междоусобные раздоры сделали Италию легкой добычей для иностранных захватчиков. Объединение осуществилось, как и предвидел Макиавелли, под руководством одного из итальянских государств – Пьемонта, – но через четыреста лет!

² Ф. де Санктис. История итальянской литературы», в 2 т. – Изд-во «Прогресс», 1964.

У человека – в отличие от всех других видов животных – есть *два* вида наследственности, генетическая и культурная. Генетические изменения зависят от случайных мутаций и занимают сотни тысяч лет. Но существенные изменения культуры могут произойти в несколько столетий. К 1900-му году глобализация морали на уровне наций в Европе в основном завершилась. Национализм, явившийся в эпоху Возрождения как новое, еще необычное учение, превратился в часть *консервативной* жизненной установки. «Любовь к родине», первоначально относившаяся к месту рождения человека, была перенесена на государство и приобрела в ряде случаев мистический характер, особенно в странах, все еще остававшихся под иностранным господством. В Европе было три империи, соединивших и принуждавших к повиновению чуждые друг другу нации: Австро-Венгерская, Турецкая и Российская. В феодальные времена, когда эти нации не сознавали своей особенности – вернее, не сложились еще в нации – они переносили господство преобладающей нации. Но в XIX веке, после глобализации морали и культуры на уровне наций, между возникшими таким образом политическими единицами проявились противоречия, не разрешимые в рамках одного государства, национализм свелся к требованию *национального* государства, провозглашавшего национальность как свою высшую ценность.

Глобализация подчеркивает границы между такими государствами, пытаясь захватить большую территорию и предотвратить смешение языков и культур, что было одним из мотивов обеих мировых войн. Между тем сам процесс глобализации не останавливается на уровне наций. Французская революция признала *права человека*, общие для всех людей; этика Запад-

ного мира, происшедшая от христианства, никогда не забывала об этих правах, а развитие науки и техники превращало всю Землю в единую экономическую систему. Мощные силы растущей цивилизации размывали национальные барьеры и требовали дальнейшей глобализации. Сопrotивление этим силам сформировалось в регрессивный, охранительный национализм, сомкнувшийся с остатками феодализма. Выражением этой реакции была философия истории Гегеля.

Эта философия возникла в начале XIX века, когда господствующим мировоззрением был либерализм, написавший на своем знамени «права человека», и когда представительное правление добилось решающих успехов в Англии и в Соединенных Штатах. Между тем на континенте Европы, после победы старых монархий над Наполеоном, были восстановлены феодальные порядки, сословные привилегии дворянства, цензура и попечительный надзор духовенства. Этот режим, называвшийся «Священным Союзом», особенно свирепствовал в Германии, где правление Наполеона означало либеральные реформы: этому чужеземному вторжению был противопоставлен немецкий национализм. Германия все еще была разделена на множество государств, но всюду провозглашались германские добродетели, германская доблесть и – более того – превосходство немцев над всеми другими нациями. Гегель, не способный подняться выше этих представлений, придумал историческую схему, подходившую к такому настроению своих соотечественников. Действующими лицами истории были нации, а режиссером этого театра был господь бог, называемый философским псевдонимом «абсолютный дух». Бог выпускает на сцену, следовательно, национальные фигуры, на-